

— Жаль, но я не согласен.

Фу Гэ едва заметно шевельнул ногой и, словно случайно, грубо оттолкнул его плечо.

— Твои попытки притворяться влюблённым вызывают у меня только тошноту, — лениво бросил он, даже не взглянув в глаза. — Я не хочу иметь с тобой ничего общего. Понял?

Ци Хань остался стоять на коленях, словно врос в пол. Губы приоткрылись, но он не нашёл, что сказать.

Ци Хань стоял так несколько секунд, будто обездвиженный. Потом, медленно, как кукла на сломанных шарнирах, поднялся, дрожащими пальцами застегнул рубашку и, не оглядываясь, вышел за дверь.

Когда уже закрыл дверь, невольно обернулся через плечо и тут же пожалел об этом.

Фу Гэ стоял у кровати и с отвращением тёр ступню влажной салфеткой. Ту самую, что только что стояла на его плече.

На следующий день всё пошло наперекосяк. Извлечение феромонов было настоящим кошмаром.

После вчерашнего сеанса в железах почти ничего не осталось. Пустые, иссушенные, они даже не наполнялись должным образом.

Ци Хань едва держался на ногах. Всё, что он ел за последние сутки, он тут же вырвал, и на сегодняшний день его тело было просто опустошено.

Даже 3S-альфа с его запасами феромонов не мог бесконечно их вытягивать, тем более если каждый раз Фу Гэ сливал их в раковину.

Полчаса мучительных попыток — и ничего. Врач растерянно отложил инструменты, покачал головой и тихо посоветовал:

— Придётся восполнить энергию. Срочно. Примите хотя бы питательные смеси.

Сказал «питательные смеси», но на деле это было что-то вроде сухого белого концентрата, по вкусу больше похожего на зубную пасту, пропитанную дешёвым пластиком.

Даже когда Ци Хань был здоров, от одного запаха его мучило. А сейчас...

Вкус был словно проглотил пригоршню пенопласта, а язык немел и отказывался шевелиться.

Ци Хань стоически проглотил одну трубку. Вторую. На третьей желудок сжался так, будто его топором полоснули. На четвёртой перед глазами поплыли пятна, а на пятой он, наконец, не выдержал.

Его вырвало так резко, что даже врач вздрогнул.

Горло жгло огнём, желудок сокращался в болезненных судорогах. Он задыхался, пытался сделать вдох, но каждый глоток воздуха резал, словно лезвие.

Пальцы цеплялись за холодный кафель, мокрые пряди липли к вискам, а глаза были такими красными, что казалось, вот-вот лопнут сосуды.

Он медленно выдохнул, крепче сжал раковину.

— Сяо Гэ... — тихо пробормотал он, прикрывая глаза. — Как же мне сделать, чтобы ты простил меня...

Он больше не мог терпеть. Сегодня эта пробирка с феромонами должна была попасть в тело Фу Гэ, чего бы это ни стоило.

Ци Хань, дрожащими пальцами распахнув ящик, схватил сразу горсть питательных капсул, стиснул зубы и принялся жевать, проглатывая через силу.

Но, по крайней мере, это помогло. Спустя несколько минут феромоны начали понемногу наполнять железы.

Глубоко вздохнув, Ци Хань, пошатываясь, направился обратно в процедурный кабинет.

Третья пробирка с феромонами вышла гораздо бледнее двух предыдущих. Светло-розовая жидкость с едва заметным запахом казалась почти прозрачной.

Врачи, переглядываясь, осторожно смешали её с физраствором, специально разбавили так, чтобы цвет не был заметен, и добавили в обычную капельницу с препаратами, которые Фу Гэ и так получал каждое утро.

— Так он не заметит, — тихо пробормотал кто-то, кивая.

Наивные.

— Убирайтесь! Я сказал, что не буду это колоть!

Фу Гэ стоял у самой кровати, бледный, но глаза сверкали так, что врачи невольно отступали.

Пробирки летели на пол, капельницы со звоном падали, физраствор лился по кафелю, а Фу Гэ, почти не дыша, шаг за шагом теснил медсестёр и санитаров к самой двери.

— Прочь! Если вы мне ещё раз вколете феромоны этого ублюдка, я либо выброшусь в окно, либо просто сдохну с голоду! — холодно выплюнул он.

Медсёстры, белые как мел, лишь переглядывались, а старший врач, нервно покашливая, вжимался в стену.

— Н-но это... это же... лекарство... вы не можете... — пробормотала одна из медсестёр.

И только та самая маленькая медсестра, вся в слезах, прижимала к груди пробирку и тряслась, как пойманный воробей.

— Пожалуйста... это же для вашего спасения... он уже на грани... я... пожалуйста, просто примите... — бормотала она, глядя на Фу Гэ так, будто умоляла не её, а свою собственную жизнь.

Фу Гэ медленно повернул голову, глаза сузились.

— Ты тоже на его стороне?

— Я не на его стороне! — мгновенно запротестовала медсестра, замотала головой, так что локоны разметались. — Я... я на твоей стороне!

— Тогда отдай мне феромоны. Слышишь? Отдай.

Пальцы у неё задрожали, и пробирка чуть не выпала.

— Н-но если ты их не примешь... придётся делать операцию... а это ещё больше... — пробормотала она, и голос дрожал, как порванная струна.

— Мне плевать, — холодно бросил Фу Гэ, подаваясь вперёд и протягивая ладонь. — Отдай сейчас же.

Медсестра судорожно сглотнула, глаза поблескивали от слёз.

И тут дверь с грохотом распахнулась.

— Хватит.

Ци Хань шагнул в палату так резко, что дверь ударилась о стену и жалобно скрипнула.

— Председатель... — врачи едва не прыснули врассыпную.

Он смерил всех ледяным взглядом, ни на секунду не задерживаясь, шагнул к медсестре и резким движением выхватил у неё пробирку.

— Все вон. — Его голос был таким холодным, что даже стены, казалось, покрылись инеем. — Ты остаёшься. Все остальные — вон, немедленно.

— П-председатель Ци... но это же... — старший врач замер с раскрытым ртом.

— Вон! — повторил Ци Хань так тихо, что казалось, сейчас полопаются стекла.

Лишь когда последний врач выбежал за дверь, он медленно выдохнул, склонил голову и закрыл глаза.

— Ты должен принять это, Сяо Гэ, — тихо пробормотал он — Иначе ты умрёшь.

Фу Гэ мгновенно дёрнулся назад, глаза широко распахнулись, пальцы судорожно вцепились в простыни.

— Ты... ты что делаешь?! Пустит! — успел лишь сорваться на крик, прежде чем сильные руки обхватили талию, безжалостно прижали к себе и буквально вдавили в матрас.

Ци Хань, не обращая внимания на яростное сопротивление, резко перехватил его запястья и зажал одно из них у изголовья, вторую руку придавил к кровати, словно усмиряя дикого зверя.

— Перестань, — хрипло бросил он, и голос дрожал так, будто бы уже сорвался. — Хватит сопротивляться, Сяо Гэ. Тебе нужно лекарство.

— Пошёл ты к чёрту! Я не буду ничего принимать! Отпусти, слышишь?! — Фу Гэ выгибался так яростно, что простыни смялись, пальцы скребли ткань до боли в суставах, а в горле стоял солёный привкус крови.

Ци Хань горько усмехнулся, ресницы дрожали, а в глазах было столько усталости, что казалось, он сейчас сломается пополам.

— Ты спрашиваешь, не сошёл ли я с ума? — он наклонился ниже, его тёплое дыхание коснулось виска, но в голосе сквозила едкая ирония. — А разве я не давно уже сумасшедший?

Голос был сдавленный, почти безумный.

— Делайте, — бросил он врачу, не оборачиваясь.

Медик, побелев как мел, торопливо подскочил к кровати, шприц в пальцах дрожал так, что игла лязгала о край.

Фу Гэ, завидев это, дернулся так резко, что запястье обожгло болью.

— Не смей! Я не буду это принимать! — он кричал, бился, выгибался, но Ци Хань держал его намертво, даже не шелохнувшись.

Острый кончик иглы холодно коснулся кожи.

Фу Гэ обмяк, изогнулся дугой, спина выгнулась так сильно, что едва не хрустнули позвонки. Глаза наполнились слезами, лицо вспыхнуло ярким румянцем, а в горле застрял сдавленный крик:

— Н-нет... не трогай меня... убирайся! Я тебя ненавижу... слышишь?! Я тебя ненавижу до смерти!

Руки Ци Ханя дрогнули.

Тёмные глаза, обведённые красными тенями, наполнились чем-то глубоким и неразборчивым, как водоворот в шторм.

— Я знаю, — хрипло прошептал он, кончиками пальцев осторожно касаясь ладони Фу Гэ. — Ты ненавидишь меня. До самой смерти будешь ненавидеть.

Он замолчал, на миг прижался лбом к его виску, обжигая дыханием.

— Ты ведь не думаешь, что я отступлюсь, правда? — тихий, дрожащий смешок. — Думаешь, мне есть дело до того, насколько глубока твоя ненависть?

— Убирайся! Я никогда тебя не прощу! — Фу Гэ взвизгнул так резко, что голос сорвался на полуслове. Глаза были полны слёз, губы дрожали, лицо горело так сильно, что даже шея покраснела.

Ци Хань мягко усмехнулся, наклонился ниже, тёплое дыхание скользнуло по уху.

— Ах так... — голос сорвался, будто стекло по льду. — А если я перестану делать это... ты простишь меня? Если я перестану давать тебе свои феромоны, ты снова полюбишь меня? Если не буду касаться тебя, ты сможешь снова поверить мне?

Фу Гэ замер.

Глаза распахнулись так широко, что белки блестели, как фарфор.

— Н-нет... — еле слышно, срывающимся голосом. — Ты же знаешь, что нет.

— Вот видишь, — хрипло выдохнул Ци Хань, и по щеке скатилась одинокая слеза, горячая, как раскалённое масло. — Я знаю.

Он смотрел на Фу Гэ так, словно бы уже сам себя похоронил.

— Ничего уже не исправить, правда — его губы дрожали, глаза затуманились — Даже если я умру, ты меня не простишь.

Фу Гэ зажмурился, трясущимися ресницами отгоняя слёзы, голос оборвался.

— Тогда оставь меня в покое... если ты всё это понимаешь, просто оставь меня.

— Нет, — хрипло выдохнул Ци Хань и ещё крепче прижал его к себе, так сильно, что пальцы побелели. — Пока ты не поправишься, я тебя не отпущу.

— А что такое «поправиться», а? — ледяной смешок, горький, как полынь. — Ты будешь держать меня в этой клетке до тех пор, пока не вырастут новые крылья?

Ци Хань закрыл глаза, дыхание сорвалось, и голос прозвучал так тихо, будто был сломан:

— Если понадобится, я выращу их для тебя сам.

— Использовать твои феромоны как лекарство и потом прожить всю жизнь, пропахнув твоим запахом? — Он с трудом покачал головой, словно отгоняя навязчивую мысль. — Но почему, Ци Хань... С какого права?

— С какого права я должен принять это только потому, что ты вдруг, в порыве великодушия, решил мне это предложить? Когда я раньше, сколько ни плакал, ни умолял, ничего не получал?

— Он издал несколько тонких, прерывистых всхлипов — Я не приму... Не хочу тебя.

— Я больше не хочу каждый раз, когда с трудом собираю деньги на запись в изолятор, слышать от врачей и медсестёр вопросы про запах моих феромонов, про уровень моего альфы и про то, какого чёрта меня, простого бету, вообще смогли пометить!

Он тяжело дышал, выкрикивая эти слова, но вскоре снова погрузился в глубокую тоску. В конце концов, давась рыданиями, он выдавил:

— Потому что я не чувствую твоих феромонов и не могу тебя найти...Я всего лишь бета, которого ты отметил пожизненно ещё до свадьбы и потом бросил. Теперь ты хочешь всё это вернуть, но какой в этом смысл?

Хуже ненависти к тому, кого когда-то любил сильнее всего, было только одно: Фу Гэ понял, что презирает даже себя. Его тело и душа были изломаны до неузнаваемости, источая смрад разложения.

Воздух неподвижно замер. Тишина тянулась так долго, что казалось, будто Ци Хань уже потерял сознание.

Но вдруг чьи-то пальцы обвили его запястье. Рука альфы медленно скользнула вниз к тыльной стороне ладони. Резкая, колющая боль вспыхнула на мгновение: Ци Хань вытащил иглу и сжал в ладони стеклянный флакон с лекарством.

— Хватит плакать.

С лёгким треском он сам раздавил третью ампулу с феромонами, которую так тяжело достал, рискуя жизнью.

Жидкость с ароматом белого колокольчика потекла сквозь пальцы и закапала на пол.

— Я помог Гэ избавиться от этой гадости.

Ци Хань ненадолго вышел и вскоре вернулся, держа в руках миску с рисовой кашей.

— Феромоны не нужны, но поесть надо.

Он набрал ложку и поднёс её к губам Фу Гэ. Сустав указательного пальца, окровавленный, слегка коснулся ложки. Маленький бета неподвижно смотрел на это место, и только тогда Ци Хань, поняв, что произошло, неловко отдернул руку.

— ...Прости.

Чаша с кашей перекочевала в руки Фу Гэ, но он всё никак не притронулся к ложке. Обеими руками неуклюже обхватил миску, а большие пальцы прятал под её краем, будто что-то тайком теребил.

Ци Хань опустил взгляд — на белоснежной керамике виднелся наполовину размазанный кровавый отпечаток его пальца.

И вдруг Фу Гэ упрямо перестал подчиняться. Альфа твёрдо прижал его руку, не давая стереть отпечаток. Влажные, покрасневшие глаза смотрели с обидой, словно на большого пса, которого хозяин брезгливо выбросил на улицу.

— Феромоны тебе не подходят, и кровь тоже не годится? Я для Гэ настолько грязный?

— Угу... — Фу Гэ без колебаний кивнул.

Ци Хань молча взглянул на макушку Фу Гэ и, не говоря ни слова, развернулся и вышел из палаты.

Он шагал крупными, стремительными шагами: сначала по коридору, потом через лифт, пока не оказался в больничном саду. И там, в тени деревьев, наконец, сорвался с места и почти побежал, не думая о том, как нелепо выглядит. Добежал до дальнего угла сада, опустился прямо на траву и тяжело рухнул, будто выжатый до последней капли.

Воспоминания, словно рваные плёнки, мерцали перед глазами. Он вспомнил, как раньше Фу Гэ любил прижиматься к нему, обнажённый и тёплый, и даже не ощущая запаха, с улыбкой повторял:

— Наш А Хань такой ароматный! Альфа с цветочным запахом — это просто умилительная редкость, прямо взрыв милоты!

— После того как он, зажав его нос, строго запретил говорить это слово, Фу Гэ с досадой надул губы и, лукаво моргая, подался ближе: — Не буду говорить, что ты милый. Но могу пригласить тебя заняться любовью?

Прикрыв глаза предплечьем, Ци Хань сначала тихо рассмеялся, но вскоре в груди заскребла едкая боль, словно осколки стекла. Он свернулся на траве боком, будто сваренный креветкой, уткнувшись лицом в колючие стебли.

— Я не воняю... И не грязный... Ты же раньше так любил меня...

Фу Гэ сотни раз выписывал в альбомах, что обожает мистера медвежонка. Но с момента их встречи и до сегодняшнего дня, во сне и наяву, маленький бета уже тысячу раз повторил, что ненавидит Ци Ханя.

Фу Гэ даже не догадывался, что для его болезни существует ещё один метод лечения — операция по полному очищению. Ци Хань и все, кто был в курсе, подписали соглашение о неразглашении, запрещающее сказать хоть слово. Слишком уж этот маленький бета был жесток к себе.

Три года назад, не имея ни денег, ни доступа к нормальной медицинской помощи, он был готов на всё, чтобы содрать с себя слой кожи и избавиться от пожизненной метки. Узнай он, что существует возможность всё исправить — непременно решился бы на операцию, не раздумывая ни секунды.

Ци Хань не хотел, чтобы он снова испытывал боль, поэтому пошёл на отчаянный шаг, не оставляя себе пути к отступлению. Вот только он никак не ожидал, что Фу Гэ скорее умрёт, чем воспользуется его феромонами.

— Есть ещё один способ.

— Феромоны 3S-класса с запахом колокольчиков редки, — медленно проговорил Ци Хань, — но я не единственный, у кого они есть. Он не хочет брать мои... возможно, он примет феромоны кого-то другого.

Глаза Чэнь Сина дёрнулись.

— Ты предлагаешь найти альфу с такими же феромонами, чтобы маленький бета использовал их? Да брось, старший, кто станет раздавать свои феромоны просто так? Это же твой сокровище, а не их.

— Я это прекрасно понимаю. — Пальцы Ци Ханя, тонкие и изящные, размеренно постукивали по столу. Он выдохнул и медленно, по слогам, произнёс: — Я не собираюсь просить его делиться феромонами. Мне нужно, чтобы он сыграл роль.

— Ты это к чему?

— Мы возьмём мои феромоны, но скажем Фу Гэ, что они принадлежат ему.

— НЕТ! АБСОЛЮТНО НЕТ! — Чэнь Син вспыхнул, едва не вскочив на месте.

— Ты, блядь, совсем поехал?! Это что, сука, какая-то жалкая мелодрама про благородных страдальцев?! Ты хоть соображаешь, что ты делаешь?! Ты собираешься качать себя до полусмерти, а в итоге этот упрямый придурок будет боготворить какого-то левого типа, будет

считать его спасителем, в то время как ты, ты сам, будешь снова и снова выжимать из себя последнее, чтобы он мог спать спокойно?! Это же, мать твою, как снять с себя последнюю рубашку, чтобы чужого мужика в ЗАГС отвезти!

Ци Хань запрокинул голову, откинувшись на спинку кресла, и тихо ответил:

— Это не так считается.

— А как тогда считается?! Хань-ге, ты же бизнесмен! всю жизнь был хитрым и расчётливым, а сейчас что ни шаг — то себе в убыток! Время безымянных героев прошло, очнись! Я вообще не понимаю, чего ты добиваешься.

— Чего я добиваюсь? — Альфа невесело усмехнулся. — Да всего-то... хочу, чтобы он хоть раз спокойно поспал.

Чтобы его больше не будила боль. Чтобы он не дрожал посреди ночи, зажав живот, не шептал в темноту, когда изнемождённый разум подсовывал ему видения. Чтобы не приходилось прятаться в одеяле, задыхаясь от тихих рыданий, когда призраки рассеивались, оставляя его одного в этой вязкой темноте.

— А ведь раньше он был совсем другим.

Чэнь Син тяжело выдохнул и яростно провёл ладонями по лицу, будто пытаясь стереть всё это наваждение.

— Ладно, я понял. Можешь не рыться в базе.

— Альфа класса 3S с феромонами колокольчиков... как раз знаю одного. Правда, у него аромат не белых, а жёлтых колокольчиков.

Ци Хань резко распахнул глаза:

— Кто?

— Да мой этот... сука, бывший, который кончает быстрее, чем успевают рот открыть.

— ...

— Слишком грубо выразился? — с наигранной невинностью уточнил Чэнь Син.

— Главное, чтобы ты не использовал это описание при знакомстве.

— Не обещаю.

Центр города, элитный частный клуб «Чанъань», пентхаус на верхнем этаже.

Ци Хань и Ци Чуань сидели друг напротив друга: один молча поднёс к губам чашку чая, другой медленно расстёгивал ремешок часов. Оба — альфы высокого уровня, феромоны с запахом колокольчиков, их ауры давили почти одинаково. Только лицо у Ци Чуаня не было таким свирепым, как у Ци Ханя.

— Председатель Ци хочет, чтобы я сыграл для вас небольшую роль? — спокойно спросил Ци Чуань, опуская взгляд.

— Может быть, даже несколько.

— Вы, должно быть, знаете, что я никогда не соглашаюсь без выгоды. Один ваш должок вряд ли покроет моё потраченное время.

Ци Хань поправил золотую оправу очков, и линия его подбородка напряглась.

— Права на продажу ингибиторов будут открыты для тендера. Компания Ци тоже участвует.

— Верно.

— Они ваши.

Ци Чуань довольно поднялся и протянул руку:

— Сделка.

— Только у меня есть ещё одно условие — добавил он.

Ци Хань нахмурился:

— Господин Ци, всему есть предел.

По его мнению, предложенная плата была более чем щедрой, да и компания Ци вполне заслуживала такой шанс.

— Вы неправильно поняли. — Губы Ци Чуаня дрогнули в лёгкой усмешке. — Я просто хочу увидеть этого несносного мальчишку.

Вся ледяная злость моментально испарилась, и Ци Хань едва заметно улыбнулся:

— Это не проблема.

В этот момент, стоя за дверью, Чэнь Син мысленно выругался: «Сука, так быстро меня продал?!»

Он резко натянул на себя куртку и развернулся, собираясь сбежать, но за спиной тут же раздался спокойный голос:

— Держите его.

Три телохранителя, которые перед входом успели стрельнуть у Чэнь Сина три сигареты «Личунь», уже стояли в коридоре, как три чёртовых горы. Под тёмными очками и следа не было от стыда или раскаяния.

Чэнь Син аж зубами заскрипел от злости:

— Да ты мне сигареты обратно выдохни, падла!

Один из телохранителей лениво ковырнул зубочисткой:

— Только сзади, — добавил он с усмешкой. — Пукнуть не хочешь?

Чэнь Син: «...»

— Пошли вы нахрен! — зло рыкнул он, но телохранители даже не шелохнулись, продолжая блокировать проход.

И вот его, недовольного, как маленького разъярённого леопарда, приволокли в комнату.

На нём были широкие рваные джинсы, поверх которых висела свободная безрукавка в панк-стиле, порезанная по бокам, так что из-под неё время от времени мелькали очертания рельефного пресса, а на затылке небрежно собранный пепельно-синий хвост, с несколькими выбившимися прядями, которые спускались на шею, задевая цветочный узор татуировки на загривке.

На фоне двух солидных бизнесменов в идеально выглаженных костюмах Чэнь Син выглядел как проблемный подросток, которого вытащили из интернет-кафе после ночного марафона.

— Одеться нормально не мог? — Ци Чуань медленно оглядел его с головы до ног.

— Ха! Да ты не охренел ли, гомподин Ци? Мой босс ещё молчит, с хера ли ты тут рот разеваешь? — Чэнь Син закатил глаза так, что, казалось, сейчас и сам их не найдёт.

Но Ци Чуань и глазом не моргнул, наоборот, казалось, что его такое обращение только забавляет. Он кивнул на чайник подбородком:

— Налей чаю.

— Я?! Мне тебя, блядь, обслуживать?!

Ци Чуань невозмутимо кивнул.

— Угу.

— О, ну заебись! — Чэнь Син вскочил на ноги, схватил чайник, мышцы на его руке красиво обозначились под кожей. — Вот держи, блядь, держи свой чай, смотри не подавись.

Специально задрав чайник повыше, он разлил кипяток так, что брызги полетели прямо на костюм Ци Чуаня.

Только вот беда — тот даже не дёрнулся, смотрел как на дурного щенка, и Чэнь Сину моментально расхотелось устраивать этот цирк.

— Заебись ты, конечно, умеешь строить из себя важную рожу. — Он плюхнулся обратно и грохнул чайник о стол. — Живое олицетворение снобизма, твою мать.

Ци Чуань лениво скользнул взглядом по чайнику, прищурился:

— Ты что, носик чайника прямо на меня направил? Все правила уже забыл, чему я тебя учил?

На каждом званом ужине, в любой традиционной чайной церемонии, в любом ресторане, где правила этикета знали не понаслышке, никто и никогда не направил бы носик чайника в сторону старших или вышестоящих людей.

Но проблема была в другом.

Проблема была в том, что этот гребаный ублюдок лично ему это правило вдалбливал до посинения. Сколько раз он заставлял его переделывать, сколько раз говорил: «Ставь правильно, держи ровно, соблюдай уважение», сколько раз легонько стучал по его руке, показывая, как именно должно быть, а теперь... Теперь он сидел перед ним, с этой своей идеально спокойной рожей, и словно поддразнивал его, напоминая о прошлом.

Глаза Чэнь Сина мгновенно вспыхнули, и он стиснул зубы.

— А мой личный этикет гласит быть вежливым только с теми, кто это заслуживает.

Он впился в него взглядом и процедил сквозь зубы:

— А ты, блядь, кто такой, чтобы я перед тобой лебезил?

Ци Чуань лениво скрестил длинные ноги и откинулся назад:

— Если разобраться... тебе бы стоило звать меня младшим дядей.

Глаза Чэнь Сина мгновенно покраснели от злости:

— Ты ещё раз попробуешь сказать эту хуйню — и я начну звать тебя «папочка».

— Хм. — Ци Чуань кивнул, абсолютно спокойно, без единого выражения на лице. — Зови.

— Ты—! — Чэнь Син чуть не подавился словами, лицо вспыхнуло от ярости.

— Председатель Ци, — Ци Чуань повернулся к Ци Ханю: — Этот мальчишка всегда был невоспитанным, должно быть, вам тяжело с ним справляться. Касательно права на продажу ингибиторов — не надо делать поблажек. Мы и так выиграем тендер. А обещание своё я выполняю.

Ци Хань, кажется, совсем не удивился. Он даже не подписал документы, просто улыбнулся и пригубил чай:

— Господин Ци, вы так великодушны. Я запомню эту услугу.

Один лишь Чэнь Син всё ещё хлопал глазами, ничего не понимая:

— Ты что, от тендера отказался? Почему?!

Ци Чуань поднялся и, проходя мимо, небрежно потрепал его по волосам:

— Потому что я выпил твой чай.